

Борис Баделин

Первая книга из серии
«Зимняя охота на ангелов»

Капитан Рубахин

aegitas

Зимняя охота на ангелов

Борис Баделин

Капитан Рубахин

«Aegitas»

Баделин Б.

Капитан Рубахин / Б. Баделин — «Aegitas», — (Зимняя охота на ангелов)

ISBN 978-1-98-790722-3

Опорск вырос на берегу полноводной реки, по синему руслу которой во время оно ходили купеческие ладьи с восточным товаром к западным и северным торжищам и возвращались опять на Восток. Историки утверждали, что название городу дала древняя порубежная застава, небольшая крепость, именованная Опорой. В злую годину она первой встречала вражьи рати со стороны степи. Во дни же затишья принимала застава за дубовые стены торговых гостей с их товарами, дабы могли спокойно передохнуть они на своих долгих и опасных путях.

ISBN 978-1-98-790722-3

© Баделин Б.

© Aegitas

Содержание

Вместо предисловия	6
Часть первая. Явь	18
1. Василий Рубахин	19
2. Рубахин и Старовский	23
3. Рубахин и Финист	25
4. Наташа Зименкова и Гавриил Петрович Вознесенский	28
5. Наталья и Рубахин	33
6. Надежда Лобанова	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Борис Баделин
Зимняя охота на ангелов.
Часть первая. Капитан Рубахин

Александру Плотникову – старому другу, потомственному милиционеру.

Вместо предисловия

Опорск вырос на берегу полноводной реки, по синему руслу которой во время оно ходили купеческие ладьи с восточным товаром к западным и северным торжищам и возвращались опять на Восток.

Историки утверждали, что название городу дала древняя порубежная застава, небольшая крепость, именованная Опорой. В злую годину она первой встречала вражьи рати со стороны степи. Во дни же затишья принимала застава за дубовые стены торговых гостей с их товарами, дабы могли спокойно передохнуть они на своих долгих и опасных путях.

Здесь же брали с проезжих честное мыто – и деньгой, и товаром – князю своему в казну и себе на прокорм.

Обрастала застава понемногу избами, превращалась в сельцо, а затем и в городище. На холме, за суровым острогом, возвысилось в ту пору капище особо почитаемого на Руси бога, покровителя ратных людей – Перуна-громовержца.

Так и встал у речной излучины большой город, острог с годами сменили каменные стены монастыря, а на месте капища возведён был храм Архистратига Михаила, предводителя небесного воинства, скорее всего, в знак победы над старыми богами, коих князья церковные обозвали погаными и причислили к тёмным бесовским силам.

Осталось в этих местах предание о двух братьях-волхвах, великих кудесниках, которые долго скрывались в дремучих лесах, преследуемые княжьи кметями за нежелание отречься от языческой веры и с покаянием принять крещение.

Рассказывали, будто потянулись за братьями в леса иные непокорные людишки, уходили вместе с бабами да детьми, и выросла в лесу целая деревня – Чёрные Выселки.

В час недобрый княжьи лазутчики тайное капище провели, нагрянули кмети, волхвов изловили и сожгли на огромном костре вместе с последним в тех землях идолом Перуна, что сотворили братья собственноручно из векового дубового ствола...

А деревня так и осталась жить, хотя не сразу и не вдруг пришли здешние люди в новую веру. Как и по всей Руси, поначалу – больше притворялись, и долго ещё в поколениях поминали своих исконных богов в мольбах и песнях, и творили тайком им требы по заповеданному обычаю.

Как волхвов не стало, возвели в Чёрных Выселках и церковь, не без умысла посвятив её Илье-пророку, небесному громовержцу, а деревня с той поры стала именоваться селом Ильинским, потому как быстро разрослась: люди здесь обживались охотно – умели волхвы выбирать удобные места для селищ.

Предание о братьях-волхвах через толщу лет превратилось в страшную сказку о двух колдунах, стерегущих в глубокой лесной пещере некую древнюю книгу по названию Кошуну. Иногда колдуны якобы выходили к людям, заманивали одиноких путников в своё подземелье, но каждый, кто у них побывал и в ту книгу заглядывал – сходил с ума...

***

После октября 1917 года село Ильинское снова чуть не переименовали.

Некие буйные головы предложили назвать его Кларо-Цеткино, но другие товарищи с ними не согласились, не без оснований обнаружив в старом названии села созвучие с отчеством вождя мирового пролетариата, что нашло отражение в соответствующем протоколе заседания комиссии по революционной пропаганде.

Железной бороной прошла через село борьба с кулачеством. Ещё раз проредили мужиков, коих и без того не густо оставалось после германской, а потом и гражданской войны, с корнем оторвали от земли целые семьи.

Советская власть, представленная в Ильинском горсткой вчерашних голодранцев и пьяниц, каким раньше и руки-то не всегда подавали, очень старалась выполнить линию партии...

***

Однажды морозным ноябрьским утром в село заехал уполномоченный из области. Чёрный автомобиль с дырявым откидным верхом, доводя наивных сельских собак до полного исступления, протарахтел по улице и остановился перед сельсоветом. Мгновенно сбежавшиеся мальчишки с любопытством разглядывали невиданную технику и выскочившего из неё худого и чёрного, как грач, начальника в новом тулупе поверх кожаной куртки и в такой же кожаной фуражке. С ним, кроме водителя, прибыли ещё двое вооружённых людей.

В пыльном окне мелькнула испуганная, опухшая физиономия председателя сельсовета Петрухи Прихлёбова, и тут же её обладатель выбежал на крыльцо, кланяясь и вытирая о штаны вспотевшие ладони.

Сельский мир избрал Прихлёбова в начальники скорее из озорства, выразив, таким образом, отношение к новой власти. Хозяйственным мужикам играть в советы-комитеты было некогда, вот на сходе кто-то, шутки ради, и выкликнул Петрушку, как самого свободного от всех забот. Тут же и проголосовали.

Прихлёбов сначала испугался свалившегося на него величия, но, когда получил в руки круглую печать, начал вышагивать по селу гордым кочетом. Актив у него подобрался – подстать своему председателю.

Петрушка важничал, и в то же время на каждом шагу ощущал, что власть у него получается какая-то потешная, и всерьёз его никто не принимает. И потёртый кожаный портфель, выпрошенный у заезжего землемера, уважения Прихлёбову тоже не добавил. Но зато ещё больше утвердилась в нём ненависть к тем, кому власть его была не нужна.

Когда сверху потребовали первый список кулаков, Петруха со злорадством и наслаждением включил в него самых уважаемых на селе людей. Казалось ему, что получил он, наконец, повод заставить уважать и его, уже не Петрушку, а Петра Саввича Прихлёбова.

Истины ради нужно сказать, что Прихлёбов и сам не ожидал, чем на деле всё это обернётся. И только когда нагрянул милицейский отряд, когда заголосили тут и там бабы, когда приезжие стали стрелять собак, врываясь в указанные им дворы, он в полной мере ощутил всю тяжесть и жестокость стоящей за ним власти. Дошло до его мозгов, почему это сразу по приезду командир отряда под расписку передал ему тяжёлый чёрный наган, а один из милиционеров вывернул на стол из кармана шинели пригоршню патронов.

Первым взяли шутника, кто выкликнул Петруху в председатели...

И вот, как скрылись за рощами подводы, увозящие семерых избитых в кровь и связанных мужиков, из тех, кто пытались сопротивляться, и не стало слышно плача баб и ребятишек, Петрушка вдруг обнаружил, что стоит на околице один. Актив разбежался и попрятался, и на село опустилась мертвящая тишина.

Втянув голову в плечи, боясь поднять глаза, Прихлёбов нашкодившим псом протрусил по опустевшей улице к сельсовету, заперся на тяжёлый засов и трясущейся челюстью выдернул затычку из бутылки с мутным самогоном...

Теперь вот начальство застало Петрушку врасплох. В сельсовете на столе красовались остатки вчерашней пьянки, да и сам Прихлёбов только что приложился к запасной бутылки самогона для поправки подпорченного с ночи здоровья.

Председатель вообще-то был упреждён, что из области вот-вот нагрянут, и вчера члены сельсовета как раз и занимались составлением нового списка на раскулачивание в соответствии со спущенным сверху письменным указанием.

Обсуждение проклятого списка без самогона не складывалось: актив несознательно прятал глаза, никто не хотел высовываться первым. Когда уже употребила вся сельская власть по стакану-другому сивухи под мочёные яблоки, дело едва-едва сдвинулось с мёртвой точки.

Петруха каждое имя выдавливал из своих соратников с большим трудом, чуть ли не калёными клещами. Заседание затянулось за полночь, выпили четверть самогона, а на бумаге едва накарябали несколько фамилий...

Приезжий начальник, брезгливо присевший на скамью у стола, взял список и удивлённо вскинул на Прихлёбова острые, маленькие глазки:

– Вот это и все ваши мироеды?!

– Тык весной же всех главных вывезли, – залопотал Петрушка, обливаясь кислым похмельным потом. – Эти вот остались, а больше и нету, вроде бы как...

Приезжий ухватил сбоку деревянную кобуру с маузером, грохнул ей по столешнице и приказал:

– Собрать актив! Немедленно!

Вскоре ожидалось прибытие конного специального отряда милиционеров, который слегка поотстал на марше от механизированного начальства.

Через некоторое время немногочисленная Ильинская власть во главе с Прихлёбовым ёжилась и бледнела под смертельным взглядом сразу трёх глаз: два из них принадлежали приезжему уполномоченному, третий – его маузеру, вынутому из кобуры и положенному посреди наспех очищенного стола.

Не мудрствуя лукаво, чёрный грач тыкал обкуренным пальцем в потрёпанную и засаленную амбарную книгу, где были записаны все жители Ильинского, и монотонно задавал один и тот же вопрос:

– Этот – что имеет?

Активисты, путаясь и заикаясь, начинали перечислять скот и другое имущество, о котором знали в названном хозяйстве.

Обкуренный палец, слегка помедлив, двигался дальше, либо тут же твердым своим ногтем делал пометку. Список обречённых на раскулачивание быстро рос, как рос и едва скрываемый ужас в глазах собравшейся кучки борцов с пережитками царского строя.

– Этот – что имеет?

Палец уперся в фамилию прихлёбовского соседа, Андрея Рубахина, рядом с которым нынешний председатель сельсовета вырос сызмальства. А после Андрей не раз выручал по жизни незадачливого соседа то мешком муки, то ещё чем-нибудь, чтобы перелатанные портки с Петрухи совсем не упали.

Петрушка похолодел и проямлил:

– Тык детей у него четверо: три девки, да парнишка самый малый. А что имеет, тык лошадь одна да корова с телёнком, да подсвинка два – вроде, как бы и не кулак Андрияха...

– Это что значит – вроде? – острые глазки уперлись в Прихлёбова. – А в избе что?

– Машинка! Швейная машинка! «Зингер»! – выкрикнул из угла Стёпка Тащилин, считавшийся заместителем председателя и поспешивший на выручку растерянному Прихлёбову.

В начальственных глазах неожиданно вспыхнул явный интерес:

– Вот как! А хозяин – дома сейчас?

– Нету его! – заявил Тащилин, довольный тем, что обратил на себя внимание высокого начальства. – В город наведни поехал. А дома – только жена с ребятишками.

Твёрдый начальственный ноготь с нажимом черкнул по фамилии.

У Прихлёбова внутри всё оборвалось, стало ему настолько паскудно, что хоть волком вой. Но увяз коготок – всей птичке пропасть!

Наградив Стёпку коротким злым взглядом, Петруха стал лихорадочно соображать, как бы предупредить соседку Дарью о нависшей беде. В голову ничего не лезло, да Господь помог – разглядел Прихлёбов через мутное окно в ватаге мальчишек, собравшихся вокруг автомобиля, старшего своего отпрыска Павлушку.

Сославшись на малую нужду, Пётр Саввич, выскочил на крыльцо и, вроде бы как по ходу дела, стал разгонять мальчишек. Те прыснули в разные стороны, а своего Прихлёбов схватил за шиворот и, нарочито встряхивая, засипел ему в ухо:

– Беги к тётке Дарье, скажи, мол, придут машинку швейную раскулачивать! Да язык потом проглоти!

Сметливый Павлушка, которому шёл уже одиннадцатый год, вырвался из отцовской руки и помчался по улице к дому.

Прихлёбов для виду зашёл в нужник, постоял там некоторое время без дела, и пошёл назад, демонстративно поддёргивая портки...

Дарья Рубахина возилась у печи с ухватом и чугунами, когда в сенях стукнула дверь и в избу влетел запыхавшийся и перепуганный Павлушка Прихлёбов:

– Тётъ Даш! – горячо зашептал мальчишка. – Тётъ Даш! Тятка велел передать, что к вам машинку раскулачивать придут!

Из Павлушкиных глаз брызнули слёзы. Тетка Дарья была ему хоть и не родной, но вовсе и не чужой. Когда в отцовской избе становилось совсем голодно, а мать всё чаще плакала, спрятавшись в чулане от глаз ребятишек, немногословная соседка всегда появлялась у них, будто бы невзначай, спросить у матери про какую-то безделицу. А после её ухода оставался на лавке то узелок с пресняками, то тусок с крупой, то изрядный кусок сала в чистой холстинке.

Рубахинские ребятишки с прихлёбовскими дружили, и нередко тётка Дарья, зазвав и своих и соседских к себе в избу, усаживала всех за стол, где уже ждали их глиняные кружки с молоком, накрытые душистыми ломтями свежеиспечённого хлеба.

А теперь Павлушкина душа разрывалась и от обиды, и от стыда. И смекал, и чувствовал он, что беда нависла над тёткой Дарьей, и над всей рубахинской избой не без вины его отца.

Дарья, как смогла, успокоила парнишку, с оглядкой выпроводила его с крыльца, перекрестила:

– Спаси Господи, Павлуша! Ты уж большой у нас, смотри, не проговорись кому, что прибежал-то к нам...

Павлушка утёрся рукавом, вздохнул по-взрослому, и юркнул домой.

Дарья, войдя тем временем в избу, быстро завернула тяжёлую швейную машинку в холстину и опустила на скамью.

Эта машинка была предметом её гордости. Андрей привез её с ярмарки год назад. Перешагнул порог, загадочно сияя глазами, и водрузил прямо на стол увесистый куль из рогожи:

– Принимай, хозяйюшка, подарок!

Радости Дарьи не было конца: в избе три девчонки, всех надо обшить, да и младшему, Никитке, тоже обнови не помешают.

Теперь нужно было машинку куда-то спрятать. Можно было закопать где-нибудь в саду, но земля уже промёрзла, да вдруг и не минёшь ещё чьих-то глаз!

Немного поразмыслив, Дарья спустилась в подполье, разрыла квашеную капусту в сорокаведёрной кадке и схоронила там своё сокровище.

Незванные гости явились уже затемно. Милиционеров привёл Стёпка Тащилин. Он попытался, было, остаться на улице, а то и вовсе смыться, считая своё дело сделанным, но под недобрый взглядом старшего группы съёжился и тоже вошёл в избу.

Испуганные девчонки лёгкой стайкой запорхнули на полати и затаились там, в дальнем углу. Никитка при виде чужих накрепко вцепился в материнский подол и зажмурил глаза.

– Где машинка? – прямо с порога спросил старший.

– Нету машинки! – внутренне холодея, ответила Дарья. – Муж её в волость увёз, продать решили.

– Врёшь, ведьма! Добром отдай, а то сами найдём – тогда пожалеешь!

Стёпка Тащилин топтался у порога, не зная, куда девать глаза. Старший обернулся к нему:

– Ну, а ты что скажешь?

– Я это, – заблеял Стёпка, – не видал. Как поехал Андрей, это – видал, а вот повёз ли – не видал. Может, это – и повёз...

– Всё ясно! – распорядился старший. – Искать!

Всю избу с пристройками перерыли вдоль и поперёк, а машинки не нашли. От Дарьи оторвали ревущего Никитку, и, в чём была, в одном домашнем платье, отвели её к сельсовету и заперли в пустом промёрзлом общественном амбаре...

***

Выпустить из-под замка горемычную бабу осмелились только через сутки, когда уполномоченный со своим отрядом убыли из села. Ещё раз прокатилась по Ильинскому чёрная беда, и опять увезли, неизвестно куда, девять семей.

Жестоко простуженная, Дарья сразу слегла, а ещё через неделю от Рубахинской избы в сторону погоста отъехали сани-розвальни, стоял в них на соломе некрашенный гроб, да сидели кучкой изревелившиеся дети. Поседевший в одночасье Андрей, склонив голову, вёл под уздцы Любимку, каурюю лошадку-пятилетку.

Проводить Дарью в последний путь народу набралось негусто. Село уже сковал страх...

***

Уполномоченного звали Яковом Иовичем, а фамилия его была Лейкин. До революции был он портным в самом бедном квартале Опорска. И, хотя не разгибал Яков спины за работой, но жил тяжело, перебивался с хлеба на воду, и кошерная курочка появлялась на столе его лишь по очень великим праздникам, и то – через раз.

Яшина древняя неуклюжая швейная машинка без конца ломалась, не давала нужной строчки, а потому о хороших заказчиках Лейкин и не мечтал. Он не столько шил новые вещи, сколько перелицовывал старье для таких же горемык, как и сам. Вот если бы накопить денег, купить новую, немецкой фирмы «Зингер», машину, что красовалась на витрине в центре города!

Он, может, и накопил бы нужную сумму, да Ребекка, пышная жена его, рожала ему одного ребёнка за другим – шестерых за восемь лет, все они быстро росли, а ещё быстрее рос у них аппетит, и объедало потомство бедного Яшу до костей.

Будущее удручало: ничего, кроме нищеты и чахотки, Якову оно не обещало...

От этой безнадеги и примкнул Лейкин к революционерам, чтобы занять хотя бы повод уходить вечерами из своей постылой лачуги.

Побывав на нескольких собраниях кружка марксистов, понял Яков внутренним чутьём, что жизнь его отсюда может круто измениться. Теперь политика его всё больше захватывала, к тому же верховодили здесь свои люди. Особенно восхищал Яшу молодой Соломон Браверман, носивший партийную кличку Гранитов, что прибыл в Опорск из столицы руководить местной подпольной организацией социал-демократов.

Яков стал целыми ночами просиживать над книгами, днями носился по городу, выполняя поручения Соломона, а швейное дело почти забросил.

Ребекка грызла его хуже язвы, в доме было голодно и холодно, а единственным положительным результатом революционной деятельности Яши стало пока то, что жена его перестала, наконец, беременеть.

Скоро Лейкин вступил в партию и сделал в ней определённую карьеру, поскольку Соломон Гранитов увидел в нём перспективного работника. С этого момента начали перепадать Яше, как профессиональному революционеру, и кое-какие денежки.

После семнадцатого года Яков Иович был уже одним из партийных деятелей в губернии, занимал ответственные посты и неизвестно, куда дошёл бы, если бы однажды в лихой час не присвоил единолично очень большую долю экспроприированных в помощь голодающим Поволжья церковных ценностей. Спасло его только вмешательство Соломона, взлетевшего до высоких партийных постов в столице.

Яшу засунули для исправления на мелкую должность в коммунальное хозяйство, где он и притих до поры, съедаемый не столько раскаянием, сколько чёрной злобой на всех и вся да нытьём безобразно располневшей Ребекки ...

***

Снова вытащили Лейкина на передний край борьбы за счастье трудового народа, когда уже подзабылся его грех перед пролетарской властью, и начала эта власть беспощадную борьбу с кулачеством, как классом, расчищая поле для коллективизации сельского хозяйства.

Получил Яша – опять не без участия Соломона – соответствующий мандат, деревянную кобуру с маузером и развернулся, и пошёл лютовать по губернии во главе специального вооружённого отряда.

Худой и чёрный, как грач, он появлялся в деревнях и сёлах не как предвестник беды, а как сама беда – неминуемая и беспощадная. Упросить или подкупить Лейкина было невозможно: всё более-менее ценное он выгребал у людей без остатка, не щадил порой даже тех, кто воевал в гражданскую за красных.

Но иногда странно смягчалась душа его, если укладывал он под себя какую-нибудь деревенскую молодку.

Несколько лет прозябания в вонючей коммунальной конторе, жизнь с опротивевшей до смерти Ребеккой требовали компенсации – благо, что сучок у Яши, хоть и был небольшой, но торчал крепко.

Весть об этом распространилась, и поговаривали, что в одной из деревень, с приездом Якова Иовича, пришли тайком старики в избу к вольной нравом молодухе и просили её пострадать за народ. Молодуха постаралась, и деревня осталась почти нетронутой.

В Ильинском же, не то чтобы не нашлось сговорчивой молодухи, просто никому такое и в голову не пришло. И потерпело село по полной мере Яшино служебное рвение...

***

Петруха Прихлёбов сразу после всех событий из села исчез. Не было ему места даже в родной избе, перед глазами жены и ребятишек, а самогон, который он во дни расправы хлебал, как воду, уже не приносил облегчения – просто падал Петруха замертво, проваливался в какой-то тяжкий дрожащий мрак. А когда очухивался, всё равно – ходил, говорил и даже что-то делал, себя не помня. Вроде не он это, а кто-то другой. И вот – пропал.

Стёпка Тащилин безвылазно сидел в своей избе и ничего про Петруху не знал, и говорить ни с кем не хотел.

Старики сильно опасались, что узнают про исчезновение Прихлёбова в городе, заподозрят месть, завинят ильинских мужиков, и опять нагрянет в село беда...

Дня через два по похоронам Дарьи Рубахиной, собрались, кто мог, мужики да парни постарше, пошли Петруху искать. Выяснилось, что один из мужиков, проезжая по дороге у Сорочьей горы, вроде заметил Прихлёбова на краю леса с двумя чужими, странного вида, длиннобородыми старцами...

И действительно: нашли окаянного председателя в глубине оврага под Сорочьей горой – висел он на осиновом суку, уже окостеневший от мороза. Тут же из-под снега, торчал угол его кожаного портфеля.

Открыли мужики портфель и, переглянувшись, молча покачали головами: нашли бумагу, вкривь и вкось накарябанную лично Петром Саввичем Прихлёбовым, что, мол, сам он себя так жизни лишил – удавился, как Иуда, на осине. К бумаге зачем-то была пришлёпнута фиолетовая сельсоветовская печать.

И прошёл по селу суеверный жуткий шепоток, что это, мол, лесные братья-колдуны за предательство Петруху на осину сподобили, и бумагу написать заставили. Прошелестел тот шепоток, да и смолк...

***

Настоятель храма Ильи-пророка протоиерей Владимир Вознесенский ночь не спал вовсе. Потомственный священник – здесь служили его отец и дед – он за последние смутные и кровавые годы истерзал себе сердце, пытаясь соразмерить с промыслом Божиим страшные беды и испытания, в очередной раз сотрясавшие Русь.

Никак не мог отец Владимир постичь замысла комиссаров, что опирались на пьянь и рвань, лукавыми речами раздували в ней зависть до лютой ненависти, поощряя всякий ущербный люд на мерзкие дела.

Холодно и пусто было теперь в храме, пусто было в доме священника. Овдовел он давно, а единственный сын Пётр учительствовал в городе.

Сын тоже готовился, было, стать священником, закончил семинарию в шестнадцатом году, но не служил ни дня – поначалу прихода свободного ему не нашлось, а тут случилась революция, пришла советская власть и отец, поразмыслив, благословил его на учительство.

Холодно было и в душе у отца Владимира – от ощущения большой беды, от собственного бессилия перед деяниями новой власти, которая нарочно, как он считал, отрицала Бога, чтобы не связывать себя понятием греха...

Накануне пришли очередные горестные вести о бесчинствах в уезде. Срывали с земли, угоняли в ссылку самых работающих и разумных мужиков. А ведь на них, как на крепком костяке, деревенский мир и держался.

И снова слышал святой отец имя уполномоченного от губернии, заправлявшего разорением. Его винули в кровопивстве, как самого лютого ворога.

Встретил отец Владимир у керосинной лавки одного из теперь уже бывших своих прихожан. С опаской оглянувшись по сторонам, тот перекрестил жидкую бородёнку и сообщил:

– У нас поговаривают, что Лейкин этот – самого Антихриста подручный, и большая ему дана сила, грачу чёрному!

Отец Владимир горестно покачал головой:

– Да много ли он смог бы, этот чёрный грач, кабы наши серые дрозды с трясогузками в пособниках у него не ходили, да ближних своих насмерть не клевали? ...

***

Со вчерашнего дня в доме у священника скрывался Сергей Плотников, младший сын только что раскулаченного Егора Плотникова из соседней деревни Куделино.

Поздним вечером тихо постучал он в окошко. Перемерзший, с запёкшейся кровью на лице, парень вздрагивал крупной дрожью и не мог поначалу даже сказать толком, что же стряслось, и как он очутился здесь, за три версты от своей деревни, легко одетым да по такому морозу.

Согревшись немного и придя в себя, поведал Сергей, как нагрянули к ним раскулачивать.

– Я-то в коровнике был, навоз дочищал. Слышу: кобель наш, Кутай, уж больно грозно залаял – совсем чужой кто-то явился: на наших, деревенских, он бы так брехать не стал. И тут же стрельнули. Кутай взвизгнул только – и смолк. У меня сердце-то сразу ёкнуло: как был с вилами, выскочил во двор. А они уж на крыльце, да вокруг избы заходят. Который ближе был, прикладом вилы у меня вышиб, да тем же прикладом и в лоб.

Как очнулся – на снегу лежу, кровь глаза заливает, но вижу: отца да брата, повязанных, как кули, с крыльца швырнули, к саням поволокли. Следом – сестрёнок обеих с матерью гонят.

Братец-то крепок у нас, он перед санями на ноги вскочил – одного головой, другого подножкой сшиб, да потом еще чёрного этого, что главным у них, тоже головой сшиб – да к проулку бежать. Тут все за ним кинулись, и которые рядом со мной были. А я подхватился, да в другую сторону, к лесу. Покуда бежал, слышал – стреляли не раз.

Губы у парня скривились, и, задохнувшись слезами, он тихо закончил:

– Уж и не знаю, живы ли они теперь, тятка-то с братом...

Скрылся Сергей в густом молодом ельнике, который начинался за деревней, и замёрз бы совсем, да на его счастье кто-то ещё с сенокоса оставил на краю лесной поляны копёнку сена – зарылся в ней и спасался от стужи до темноты, благо – день в эту пору короток.

Пока сидел в копне, смекнул беглец, что к родне идти нельзя – подстеречь могут, вот и удумал податься к святому отцу.

Священник дал парню умыться от крови, затем налил ему полстакана водки, настоянной на липовом цвете, накормил и отправил спать на печь, да ещё и сверху накрыл овчиной: не захворал бы, упаси Господь! Сам же сел к столу под чуть теплящейся лампадой, да так и просидел до утра с тяжкими своими думами...

***

В последние окаянные годы отец Владимир всё чаще обращался мыслями к своему деду, Власию Вознесенскому, которого и до сей поры в округе старые люди поминали.

Во-первых, потому, что это он, придя в село совсем молодым священником, великими трудами отстроил в Ильинском белокаменный храм, на месте древнего, деревянного, сгоревшего от молнии.

Во-вторых, будучи ещё во цвете сил, неожиданно передал Власий свой приход рукоположенному накануне сыну, а сам принял чёрную схиму и навсегда удалился от мира в глухом лесу за обширным Катовым болотом, где собственноручно срубил себе отшельнический скит.

Отшельничал строго: питался дарами лесными, от редких гостей принимал лишь сухари да соль. Молился всегда на воздухе, к солнечному восходу лицом, стоя на огромном замшелом валуне.

Место выбрал себе Власий, видать, не без умысла: от села к нему вёрст за десять получалось – вокруг болота гиблого, да больше всё по бурелому! От безделья в такой путь никто не пойдёт, а значит, по-пустому и беспокоить не станут.

А с одного случая стали Власия во всей округе за чудотворца почитать.

Упала тогда страшная засуха: житу уж в колос выходить надобно, а с небес – ни капли. Зной палит и палит, ещё немного – и погибнет всё на полях, и быть тогда голоду.

Исчерпав все известные средства, вспомнили селяне про отшельника, да и отрядили к нему ходоков.

Старец встретил их сурово: перейти ручей, за которым скит стоял, не позволил – остановил на берегу. Стали просить его – умоли, мол, батюшка, за нас святого Илью-пророка, дабы дал нам дождя, а Власий их оборвал: «Без вас ведаю, кого молить!»

Указал посохом на ручей: «Умывайтесь, – говорит, – столько раз, сколько каждый своих грехов припомнит, да не вздумайте утаить чего сами перед собой!»

Опустились мужики на колени, стали истово воду пригоршнями брать, умываться. Долго получилось, даже лбы от холода заломило – вода-то в ручье студёная: белый песок на дне кипит весь чистыми ключами, бьющими из земли.

Когда, наконец, спины выпрямили – а Власия уж и нет. Переглянулись, потоптались на месте, да и пошли обратно молча – вспомнилось каждому много, было о чём подумать.

К вечеру, как из лесу выходить стали, загремело тяжко да раскатисто небо за спиной, и обрушился дождь – прямой, обильный, неспешный – само спасение. Забыли мужики по усталость, побежали к селу вприпрыжку, как ребятишки малые, скользя и падая на скользкой тропе, дивясь и радуясь происходящему чуду...

Ближних своих в скиту Власий тоже не привечал, ещё и строже, чем чужих. Даже внука родного принял единственный раз, когда явился тот к деду-отшельнику за благословением на церковное служение. Встреча была странной и короткой, но в душе у Владимира запечатлелась она на всю жизнь.

Старик встретил его перед ручьём. Он заметно высох телом, но не согнулся, а казалось, наоборот, будто прямее статью сделался Власий и выше ростом. Лунно-белая борода струилась до пояса, и столь же седые космы лежали по плечам.

Особенно поразил его взгляд: ясный и строгий, исходил он точно не от мира сего, и проникал прямо в душу.

Велел дед-отшельник Владимиру приблизиться, возложил ему на лоб сухую жёсткую ладонь:

– Отныне на незримой меже встанешь, сыне! – сурово и торжественно произнёс дед. – С одной стороны – тьма и грех, с другой – свет и правда. Многие мимо тебя во тьму пойдут, ибо во грехе – падко да сладко, а в темноте – и грязи не знатко, и не каждый тебя услышит. Сам устоишь ли?

– Благослови! – выдохнул оробевший Владимир.

И ладонь старика на лбу него вдруг стала горячей, жар охватил голову, но тут же и схлынул, как наваждение. Будто что-то ещё сказал ему дед, только не словами, а неведомо как. И стоял Власий уже не рядом, а на другом берегу, и странное говорил, глядя в ручей:

– «Пришли чёрные поводыри, а слепых им не было. Тогда сказали они людям: «Мы всех вас поведём!», и кто перечить стал – тому глаза кололи. А младенцам с рождения очи зашивать велели, дабы света вовсе не ведали.

И вот многая люди за ними пошли, восхваляя поводырей своих...»

От слов тех побежал у Владимира мороз по спине, мелькнуло, со страху, в мыслях нелепое: не обезумел ли дед в лесу?

Пятясь меж деревьями, прежде, чем заслонили они деда, успел заметить Владимир, или почудилось ему, будто упали с небес два сокола-кречета и сели старику оплечь...

Как умер старец Власий – никто не знает: год спустя, рассказал Владимиру отец, что не нашли деда по весне в скиту ни живым, ни мёртвым.

Разное поговаривали потом: одни уверяли, что в болоте отшельник сгинул, другие считали, что по смерти растащили его кости дикие звери, но кое-кто с оглядкой пришёптывал, что ушёл, дескать, схимник Власий в пещеры к братьям-волхвам...

«Вот и пришли они, чёрные поводыри!» – думал теперь, сидя под лампадой, отец Владимир. – «Слепят людей, свет в душах гасят, дабы не разумели, что во тьму их ведут!»

***

К утру из-за леса напоззли низкие тучи, крупными хлопьями повалил снег, началась настоящая метель, что в здешних местах вполне обычно после праздника Покрова.

Хоть и рассвело, а из окна дома уж не разглядеть было чёрных крестов на старом погосте, да и сама церковь еле просматривалась через густую метельную завесь.

Повозившись в кладовой, отец Владимир вынес большую ковригу хлеба, изрядный кусок солонины, пару головок чесноку и с дюжину тугих желтобоких яблок. Завернув это всё в чистую холстину, он заглянул на печь, где уже давно ворочался и вздыхал его неожиданный гость.

– Слезай, парень, скажу тебе, как дальше быть.

Вид у паренька был незавидный: лицо распухло до неузнаваемости, под заплывшими глазами – иссиня-чёрные кровоподтёки.

– Голова болит? – спросил священник, с тревогой оглядывая Сергея. – Не мутит ли тебя?

– Терпимо, батюшка, – скупомолвил тот, опускаясь на скамью у стола.

– А скит старый – знаешь ли, что за Катовым болотом, дорогу найдешь?

– Бывал я там с тяткой прошлым летом, найду.

– Ну, тогда прямо сейчас и побежишь. Тебя, поди, ищут нехристи эти. За порошей и скроешься, а к потёмкам, Бог даст, и на месте будешь – снегу в лесу ещё мало. Только не вздумай через болото путь коротить – топи там долго не промерзают – провалишься.

В скиту припасы должны быть кой-какие: сухари, крупа, муки малость. На неделю тебе хватит. Потом приду. А коли через неделю не приду – не обессудь, не жди боле, а выбирайся, куда подальше, из наших мест и – храни тебя Господь...

После скорого завтрака он придел Сергея, как мог, потеплее, а затем вышел за ограду осмотреться.

Метель набирала силу, снег падал плотно. В сторону села, насколько проникал взор, было пустынно и тихо. Даже собаки не лаяли.

Тогда отец Владимир вернулся к дому, где ждал Сергей, осенил его крестным знаменем:

– Господь с тобой!

Согнувшись, парень заспешил по дороге в сторону леса, почти неразличимого в снежной замяти.

Священник долго провожал его взглядом, хотел затем пойти к поленнице – печь растопить, но тут же и замер: от леса навстречу Сергею двигалось смутное пятно – кто-то ехал в санях...

Уйти бы святому отцу с крыльца, пока не заметили его из саней, а он, наоборот, снова поспешил за ограду, тревожно пытаясь разглядеть подъезжающих.

Он видел, как парень отпрянул с дороги, бросился бежать и быстро скрылся за косогором.

«Хоть свои, хоть чужие – всё одно плохо, – мелькнуло в голове у священника, – углядели-таки!»

Когда сани с ним поравнялись, он понял, что дела не просто плохи, а очень плохи: сидел в них заведующий сельским клубом Федька Жадков, ярый борец с религиозным дурманом, который однажды поклялся в кружке атеистов, что лично обрежет попу Вознесенскому бороду.

Проезжая мимо, Федька недобро ухмыльнулся, и ни слова не обронив, подхлестнул свою лошадь.

Первой мыслью отца Владимира было податься за Катово болото вслед за Сергеем, но тут же он понял, что нет у него уже сил – бегать зайцем по лесным оврагам, да и не к лицу. Всё в деснице Господней!

Пополудни за старым священником приехали трое милиционеров.

Двое из них оказались местными уроженцами, каждого когда-то отец Владимир даже крестил в своём храме, старшим же с ними был некто из городских. Старик заметил, что у одного из вошедших рука взметнулась, было, снять шапку, да на полпути остановилась. Старший шагнул к столу, бесцеремонно расселся под образами и вдруг, грохнув кулаком по столешнице, заорал:

– Что, сволочь долгогривая, – выблядков кулацких укрываешь?

Отец Владимир отрешённо молчал. Его спокойствие ещё больше взъярило начальника.

– Я эт-та у кого спрашиваю? – сдавленным от ярости голосом просипел тот. – Куда он, вражина, от тебя побежал?

Священник ощутил внутри такое спокойствие, какого желал себе перед смертным часом: ни тени душевного страха, ни телесного трепета. Отвечать что-либо взбешённому милиционеру не хотелось, да не было и смысла.

С таким же спокойным лицом он позволил связать себя за руки. Его в лёгком домашнем подряснике вывели на улицу и, по распоряжению старшего, заставили бежать за санями на двухсаженном пеньковом поводке. Местные конвоиры мрачно прятали глаза.

Мягкие чуни из обрезанных валенок, в коих по дому ходил, слетели у старика с ног уже на первых шагах. Затем, просеменив босиком ещё шагов с полсотни, он споткнулся и поволочился по мёрзлым кочкам, пока начальник, опасаясь, что не дотащит арестованного живым, не приказал бросить его в сани.

Две бабы у колодца, ставшие тому свидетельницами, в страхе побежали по домам с пустыми вёдрами...

***

Вечером того же дня священника привели на допрос к Лейкину в просторный пятистенник, реквизированный у семьи Плотниковых в Куделине, где уполномоченный всё ещё вершил свои дела.

Яков Иович, крайне униженный вчерашним происшествием, никак не мог отойти от душившей его злости. Этот кулацкий гадёныш так его боднул – искры из глаз посыпались. Теперь распухший нос болел и обвис большой лиловой сливой.

Отца и старшего сына Плотниковых застрелили при попытке к бегству, женскую часть семьи посадили под замок и назначили на высылку, а младший – сумел-таки скрыться. Теперь Лейкин не сомневался, что заставит арестованного попа рассказать, куда делся последний кулацкий отпрыск.

Однако первый же взгляд на священника заставил в скором его признании усомниться: Якова Иовича даже испугало странное, ясное спокойствие на лице старика, переступившего порог.

Некоторое время прославленный уполномоченный даже не мог сообразить, как начать ему допрос. Когда они встретились глазами, Яков Иович почувствовал в старце такое внутреннее превосходство, что не придумал ничего лучшего, как выскочить из-за стола и сбить ненавистного попа с ног. В присутствии двух конвоиров он принялся жестоко пинать священника по рёбрам, всё больше озлобляясь и брызжа слюной:

– Куда щенка оправил, а? Куда щенка отправил?

Сухое тело старика сотрясало от беспорядочных ударов хромовых сапог, но сам он при этом не издал ни звука.

Яков Иович, извергнув, наконец, вскипевшую в нём лютую злость, весь взмок и вернулся за стол. Отец Владимир остался лежать на полу. Лейкин приказал конвойным поднять его на ноги. И тогда уполномоченному стало совсем плохо: в глазах у старика по-прежнему не было даже боли, они смотрели на него скорее с жалостью, чем со страхом, хотя лицо священника и покрыла смертельная меловая бледность.

Похолодев от ненависти, уполномоченный перевёл взгляд на большую керосиновую лампу и вдруг приказал вывести старика на улицу.

Чёрный глухой вечер висел над деревней. У крыльца избы, где проходил допрос, уже высился небольшой сугроб, накиданный после расчистки прохода в снегу от недавней метели.

Лейкин вышел на крыльцо, держа в руке лампу. Подойдя к священнику, он толкнул его спиной на снег и, сбросив с лампы стекло и свинтив фитиль, вылил на голову отца Владимира весь керосин.

– Будешь, гнида, говорить? – голос его почему-то стал по-бабьему тонким. – Последний раз спрашиваю!

Глаза священника, разъедаемые керосином, были крепко зажмурены, по щекам крупными каплями стекали слёзы, перемешанные с горючей жидкостью. Не проронив ни звука, старик попытался приподнять руку для крестного знамения, но Лейкин тут же втоптал её в сугроб подошвой сапога.

Трясущимися руками он вытащил из кармана кожаных галифе коробок и чиркнул спичкой:

– Говорить будешь?

Догорев до середины, спичка упала на белую, как лунь, спутанную бороду священника...

***

Наутро в храме Ильи-пророка выломали дубовые двери. Сельские атеисты под опись вытащили и погрузили в трое саней всё, что могло представлять хоть какую-то ценность. Нездорово весёлые комсомольцы под руководством Фёдора Жадкова снимали со стен иконы и валили их в кучу прямо у паперти. Когда ободрали с некоторых образов серебряные оклады, вспыхнул перед храмом огромный дымный костер.

Другая группа в это же время грабила дом священника.

На церковной площади разрозненными кучками стояли сельские.

Редкие мужики мрачно сопели в бороды, преобладающие бабы украдкой крестились. У некоторых, вроде бы как от окрепшего вдруг мороза, текли по щекам и тут же остывали жгучие слёзы...

Пылали в костре сухие иконные доски, летели к низким небесам вместе с дымом и пеплом все молитвы, услышанные святыми образами за многие лета от русских людей из села Ильинского.

Должно быть, видел всё это и небесный громовержец, чьё имя чаще других поминалось под сводами поруганного храма.

Видел и тяжко молчал. И не потряс гром холодные горные выси, и не ударила молонья...

Часть первая. Явь

«Необъятная громовая туча клубится над Явью, и чудовищной мощи молнии плещутся в тёмном её чреве.

Внизу, по зелёной земле, идут Перуновы слуги – выходят из-под громовой тучи единокровные братья-волхвы. А над ними летят в горней выси два стремительных кречета.

У первого брата на поясе – кожаный чехол с пергаментным свитком внутри, у второго брата – тяжёлый короткий меч. Один из них несёт в очах своих ясный свет и тепло, а другой – чёрный мрак и холод. Один брат исповедует Бесконечное Всё, а другой – Безначальное Ничто.

Многое ведомо братьям в Яви – мире земном, в Нави – тёмном царстве теней и духов, да и в Прави – высшем божественном мире – немало открыто волхвам...»

Гавриил Вознесенский. «Братья из Нави»

1. Василий Рубахин

Василий Рубахин по натуре был поэтом. Сочинял даже песни под гитару для себя и друзей. Кто слышал, говорили – неплохо.

А по профессии он был милиционером.

Как попал поэт в милиционеры, объяснялось просто: отец, Никита Андреевич, которого Василий очень любил, служил участковым милиционером и погиб при исполнении обязанностей. Не в лихой перестрелке с преступниками, а при самом обыкновенном пожаре на почте. Там от пламени взорвался газовый баллон, и брошенный взрывом кусок оконного стекла вонзился Рубахину-старшему глубоко под ключицу, разрубив артерию. Пока подоспела «скорая», Никита Андреевич истёк кровью.

На поминках старинные отцовские друзья-сослуживцы предложили Василию поступить в школу милиции. Бывший начальник Опорского уголовного розыска полковник Костромин, который к тому моменту уже давно вышел на пенсию, за скорбным столом обнял Василия за плечи:

– Ты должен знать, сынок, что я за отца твоего всегда мог поручиться, больше даже, чем за себя самого! И за тебя поручусь, где надо, если захочешь придти нам на смену!

Василий молча кивнул, и полковник пожал ему руку – крепко, как равному...

Вскоре за отцом ушла мать, умерла во сне – тихо и неожиданно.

Седой фельдшер «скорой помощи», который засвидетельствовал её кончину, выразил Рубахину своё сочувствие и заметил: «Доброй женщиной, наверно, была ваша мама – такую лёгкую смерть заслужить надо...»

Оставшись в одиночестве, родительскую квартиру Василий уступил двоюродной сестре Ирине, с которой очень дружил ещё с детства – была она на пять лет постарше, и, пока он подрастал, нередко выступала для него в роли няньки. А потом не задалась у Ирины личная жизнь: развелась с мужем и бедовала с двумя дочками-погодками по съёмным углам.

Сам Рубахин перебрался в милицееское общежитие...

Это всё происходило в прежнем большом государстве, где слова о романтике милицееской профессии ещё не звучали такой откровенной издёвкой.

***

Теперь Василий Рубахин – капитан, старший оперуполномоченный уголовного розыска в городе Опорске.

Времена вокруг уже совсем иные, и сильно изменились люди. Сегодня, если кого-то вдруг называют поэтом или романтиком – это равносильно безнадёжному диагнозу или приговору, по которому человеку отказывают в серьёзном общении. А само слово сохранилось лишь в рекламных штампах: «романтический стиль», «романтический аромат», ну и «романтическое свидание» – за деньги, разумеется...

Как-то в канун майских праздников заехал Василий в пригородный посёлок – поведать и поздравить полковника Костромина.

Под густую рубиновую наливку, в которую отставной сыщик с успехом превращал обильные вишнёвые дары дачного сада, слегка захмелевший Рубахин не удержался – поделился со стариком невесёлыми своими мыслями и выводами по течению жизни и службы.

Легендарный Костромин, и резаный, и стреляный, и битый неоднократно в схватках с преступниками, опер-волкодав, собственноручно задержавший за службу больше десятка опасных бандитов, слушал капитана и долго не отвечал, глядя прямо перед собой и переворачивая в пальцах незатейливую алюминиевую вилку.

– И действительно, – произнёс он, наконец, – какая, к чёрту, романтика! Как можно об этом всерьёз говорить! Всё это – выдумки, фантики для сопливых! – полковник поднял прищуренный взгляд на Василия. – Или ты не согласен?

Рубахин, ещё не понимая, куда клонит старик, с сомнением покачал головой.

– Невелика потеря – романтика, – угрюмо заключил Костромин, – не будь она из числа тех же выдумок, что и честь, например, или совесть. А это, сынок, уже совсем хреново: за такие потери нам придётся платить – долго и дорого, и уж ясно – не деньгами!

В окно через ещё прозрачную майскую листву старой вишни пробился солнечный луч. От графина с наливкой на белом пластике стола вспыхнуло яркое рубиновое пятно. А два человека за этим столом – старый и молодой – молча, без тостов, ещё раз подняли свои рюмки. Они поняли друг друга, и говорить им больше не хотелось...

***

Так существовал на свете Василий Рубахин – в двух ипостасях, раздираемый противоречиями, ибо обе его ипостаси в последние годы друг с другом стали несовместимы. Наверное, сама жизнь вынуждала выбирать что-нибудь одно: менять либо натуру, либо – профессию. Рубахин всё медлил, а выбора, собственно, и не было – натуру не переделаешь.

Впрочем, был Василий в этом не одинок – многие в девяностых годах попали на разлом. Люди в одночасье оказались в совершенно ином мире, где прежние моральные ценности ловко конвертировались в ценности материальные. Если обмена не получалось – мораль просто отбрасывали, часто – вместе с её носителями.

Утвердилась единственная антропометрическая шкала: «если ты без денег, ты – дурак, а если ты умный – где твои деньги?»

Вот и весь «Ай Кю».

Остальное – неважно.

Вот тут-то и открылось, что ум и цвет нации составляют не учёные-академики, не конструкторы-изобретатели и не писатели-художники с мировыми именами – цветом нации объявили себя торгаши-спекулянты и чиновники, приставленные к распределению государственных благ. Одновременно до небывалой высоты вырос общественный статус воров, мошенников и бандитов.

В первую очередь, в разряд недоумков и никчёмных людишек попали школьные учителя и инженеры, а с ними – и все, кто не умел воровать и торговать.

В стране, начиная со столицы, разразилась небывалая эпидемия алчности и стяжательства. Парадоксально, но в грязной этой эпидемии страдают и вымирают только те, кто чист и не заражён...

***

Рубахин довольно долго оставался холостяком. Поначалу как-то не до женитьбы было: школа милиции, за ней – служба, не признающая выходных, заочный юрфак, а потом, оглядевшись, вдруг обнаружил Василий, что при слове «милиционер» интерес в глазах девушек сразу гаснет. Не исключено, что амурсы с купидонами тоже перешли на рыночные отношения и натягивали луки только на такие слова, как, например, «дилер» или «менеджер», а уж при слове «банкир» стрелы в девичьи сердца вонзались пучками!

Но Василий всё-таки женился.

Вот только счастье наше, как известно, предмет весьма хрупкий, и нести его по жизни – почти то же самое, что участвовать в уличной драке с аквариумом в руках...

***

В ту осень Рубахин собственноручно развернул свою судьбу на чёрную сторону.

Возвращался капитан со службы домой. Чтобы сократить путь, он решил пройти через двор близлежащей школы и там наткнулся на тройку пацанов. Один из них, при виде человека в форме, внезапно возникшего из-за угла, испуганно бросил в сторону горсть каких-то таблеток.

Рубахин мгновенно сообразил, что здесь к чему, и схватил за шиворот того, кто выглядел постарше. Намётанный глаз капитана сразу определил в нём «пушера» – мелкого торговца наркотой.

Юнец оказался жилистым и вёртким. Сопrotивляясь, он даже попытался сделать Василию подсечку, но тут же с ближней дистанции получил резкий тычок локтем в физиономию. Бил Василий не в полную силу, но глаз у пушера сразу заплыл.

Наскоро охлопав карманы задержанного и, убедившись, что они не пусты, капитан поволок его в отдел. Благо, расстояние там было – десять минут ходьбы. По дороге парень ещё раз попробовал вырваться, но, получив назидательный подзатыльник, пошёл покорно, изредка поглядывая на капитана.

На широких ступенях перед входом в отдел, он повернулся к Василию и неожиданно серьёзно спросил:

– Зачем тебе, капитан, чужое горе? Своего мало?

В дежурке он назвал свою фамилию, имя, адрес и больше не ответил ни на один вопрос.

Дежурный долго созванивался с кем-то из подразделения по борьбе с наркотиками. Прибывший по звонку лейтенант Семакин был явно оторван от какого-то приятного занятия. Никакой радости, а тем более, благодарности за добровольное содействие своей службе он Рубахину не выразил, но вынужден был поучаствовать в обычных формальностях.

Задержанного оформили, и лейтенант увёз его в наручниках к себе в отдел, для дальнейшей работы.

Капитан, который и так припозднился, окончания процедуры ждать не стал: спешил домой ...

Неприятный сюрприз ждал Василия на следующее утро, когда он зашёл к экспертам.

Заключение было однозначным: изъятые у задержанного таблетки состояли из глюкозы и аскорбиновой кислоты. Пробежав глазами первые строки документа, ошарашенный капитан возмутился:

– Да не может такого быть! Вы что, хотите сказать, что Рубахин совсем нюх потерял? Ничего не напутали?

Услышав голос капитана, вышла из своего кабинета майор Лобанова, начальник экспертной службы:

– Отставить шум! – шутливо скомандовала она, и добавила уже серьёзно. – Зайди ко мне, Рубахин!

Отношения между ними были дружескими, чем, кстати, в отделе мог похвастаться не каждый – в дружбе майор отличалась разборчивостью.

Она обратила на него внимание пару лет назад, когда Василий зашёл как-то к экспертам с двумя книгами подмышкой, что уже само по себе становилось несочетаемым – милиционер с книгами, но Лобанову тогда ещё позабавило и совпадение названий: «Прощай, Гюльсары!» и «Прощание с Матёрой».

Глубоко уважая и Айтматова, и Распутина, Надежда заподозрила в Рубахине живую душу и порядочного парня.

Они стали изредка обмениваться книгами, делились впечатлениями от прочитанного, когда удавалось выкроить время.

Так и подружились.

Теперь Надежда Васильевна с болью думала, что вряд ли сможет помочь капитану в его ситуации.

– Чаю хочешь? – закрыв за собой дверь, Лобанова потянулась к шкафу за чашкой для Василия. – Только что заварила!

– Спасибо, Надежда Васильевна, настроения нет! – невесело отшутился Рубахин. – Похоже, я вчера сам такое «заварил», что сразу и не расхлебать ...

Лобанова лишь сочувственно развела руками:

– Не знаю, Вася, с чем ты там задерживал своего злодея, но нам принесли именно глюкозу! – она вынула из сейфа опечатанный прозрачный пакет с таблетками. – Взгляни сам...

Даже на расстоянии Василий рассмотрел: перед ним совсем не то, что было вчера изъято из кармана задержанного.

На улице разозлённый капитан присел на скамью у входа и закурил. Фокус, который ему устроили, был грубым и вызывающим, как пощёчина. Ещё поганее было сознавать, что подмену совершил кто-то из своих!

Рубахину хотелось бросить, наконец, всё к едрёной бабушке, написать рапорт и снять с себя погоны, что очень бы порадовало его жену.

Наталья в последнее время даже не просила, она настоятельно требовала от мужа найти себе, если уж не более денежное, то хотя бы менее опасное дело. Ради маленькой дочки. И он ей обещал.

Но теперь Василия глубоко оскорбили. Он не мог себе позволить уйти под чей-то наглый хохоток...

2. Рубахин и Старовский

Начальник райотдела, подполковник Виктор Семенович Старовский нудно чинит Рубахину разнос, сидя к нему боком и нарочито глядя в окно.

– Что за самодеятельность, Рубахин? Какого-такого хрена ты не в свой огород полез – в наркополицейские записался? – голос Старовского звучит с откровенной досадой и раздражением. Начальник левой рукой двигает через стол к Василию лист бумаги. – Читай, герой!

Листок оказывается заявлением гражданина Горшенина А.П., избитого капитаном Рубахиным без всякой на то причины с нанесением телесных повреждений.

Старовский, не поворачивая головы, продолжает:

– Ты отлично понимаешь, капитан, что я теперь обязан дать этой бумажке официальный ход. Ну, ладно, задержал не разобравшись – бил-то зачем?

Адвокаты сейчас вцепятся – будешь им доказывать, что хлипкий мальчишка мог оказать сопротивление такому волкодаву, как ты? Ещё и пресса пронюхает, а ей только дай повод! – при этих словах усы начальника брезгливо топорщатся, словно он уже видит, как именно пресса будет пронюхивать это вонючее дело.

Василий напряженно молчит. Как же быстро всё состряпано! Его, матёрого опера, прилюдно щёлкнули по носу. Но зачем и кому понадобилась такая идиотская провокация?

Развернувшаяся история Рубахина крайне настораживала: действия другой стороны выглядели грубо и глупо, а это как раз и было хуже всего. Капитан никогда не рассчитывал свои дела со скидкой на дураков, ибо хорошо знал, как это дорого потом обходится. Чутьё уже подсказывало ему, что ситуация чревата любыми пакостями, предугадать которые попросту невозможно.

– Я, конечно, попытаюсь в службе собственной безопасности как-то что-то замять, – снижает тон начальник, – но тебе сейчас лучше убраться с глаз долой, и подальше. Отпуска не дам – не поймут меня, а вот командировку на Кавказ могу сделать. Очередная команда как раз в недокомплекте.

– Но... – возмущённо начинает Рубахин.

Старовский прерывает:

– Других вариантов не вижу, только... – подполковник делает многозначительную паузу, – ты должен сам написать рапорт. Отправка – через три дня...

По большому счёту, подполковнику весьма неприятен этот разговор. Как ни крути, капитан Рубахин – лучший из его оперативников. Он не раз вытаскивал дела, казавшиеся безнадежными, умел по горячим следам связывать то, что другим казалось несвязуемым. За годы службы капитан имел две медали, кучу грамот и других поощрений от руководства городского и даже областного УВД.

Было у Рубахина и ещё одно качество: вёл он дела так, что невольно вызывал доверие даже у отпетых бандюков. Однажды главарь заезжих налётчиков, которые за неделю нагло ограбили в городе два сбербанковских отделения, совершенно серьёзно заявил Василию:

– Слышь, капитан, ты, я вижу, мужик не гнилой! Вали из ментовки – тебя точно угробят или опустят до параша!

Старовский слышал это собственными ушами, присутствуя на допросе.

Его даже слегка покорило, но вовсе не потому, что прозвучали эти слова из уст уголовного рецидивиста – в тот момент подполковник очень остро осознал: ему таких слов никто и никогда не скажет. И была в этих мыслях какая-то злая тоска...

Вдобавок, дотошная принципиальность Рубахина нередко Старовского раздражала.

– Ты кто тут у меня – сыщик или адвокат? – спрашивал он, когда капитан продолжал упрямо копать в уже, казалось бы, ясном деле. – Что ты всё ищешь оправдания какие-то для

каждого подонка? Твоя задача не оправдания искать, а улики собирать, помогать следствию вину доказывать!

Но капитан молча всё выслушивал и оставался при своём.

Обычно начальники таких вот хватких оперов ценят и берегут. Они приносят главное – высокие показатели раскрываемости преступлений. Но здесь беда была в том, что подполковник Старовский тоже, как и капитан Рубахин, существовал в двух непримиримых ипостасях, и теперь его вторая, скрытая от посторонних глаз, сущность, вынуждала его поступать совсем иначе.

Тем более, был недавно очень неприятный разговор с начальством из областной прокуратуры. Подполковнику настоятельно рекомендовали осадить своего чересчур ретивого опера, или вообще убрать его со службы...

«Осадить! – возмущался про себя подполковник. – Как его осадить, девственника хренова, если мне сейчас и предъявить ему нечего – по говну ходит, как все, а оно к нему не липнет!»

Тем не менее, Рубахина следовало убирать. Он уже давно был не ко двору и вызывал раздражение не только у Старовского, но и у своего прямого начальника по угро майора Андреева – они постоянно и весьма резко конфликтовали.

И теперь Виктору Семёновичу показалось, что выпал редкий шанс от капитана избавиться...

3. Рубахин и Финист

Рубахин сидит в приёмной начальника. Он пишет рапорт об отправке на Кавказ – сам просится на то, от чего многие другие стараются отмазаться под любым удобным предлогом.

Секретарша подполковника, красавица Оксана – кокетливая, но умная не по годам особа, сидит напротив Рубахина с сочувствующим выражением лица. За полгода работы в приёмной она научилась безошибочно выбирать манеру поведения, а потому сейчас молчит, украдкой поглядывая на Василия из-за своего монитора.

В приёмную входит старший лейтенант Соколов, по прозвищу Финист, единственный, пожалуй, самый близкий и верный друг Рубахина, хоть и служат они в разных подразделениях: Василий – в уголовном розыске, а Юрий Соколов – в ОМОНе.

У старшего лейтенанта, кроме крылатой фамилии, есть ещё соломенные вихры, ясные серо-голубые глаза и молодецкая стать хорошего спортсмена – потому, наверное, и отметил кто-то таким прозвищем его сходство с известным сказочным героем.

Соколов вместо приветствия хлопает капитана по спине и, не особо церемонясь, заглядывает через плечо в рубахинские каракули. Лицо у него удивлённо вытягивается:

– Ты не с дуба ли упал, дядя? Я вот – и то хромым и косым прикидываюсь, а ты-то как додумался в добровольцы податься, папаша молодой?

Василий морщится над своей бумагой.

– Заткнулся бы ты, Ясный Сокол! – огрызается капитан, не поднимая глаз. Он-то знает, что несколько месяцев назад при задержании банды сунули Юрке под бронежилет охотничий нож – коварным ударом снизу. Лезвие вошло не в брюшину, а плашмя между кожей и мышцами. Таким вот образом Финист и «откосил» от очередной кавказской командировки.

Рубахин ставит на бумаге свою подпись, передаёт рапорт Оксане и поворачивается к озадаченному другу:

– Пошли-ка, Юра, покурим ...

Летняя курилка во дворе отдела – это деревянная беседка, густо заплетённая зелёным плющом. Сейчас он уже заметно подёрнут багрянцем. Октябрь кончается. Хотя ещё и стоят сухие солнечные дни, по ночам осень даёт о себе знать знобким туманным холодком и, словно исподтишка, перекрашивает в городе листву.

Друзья сидят в курилке одни. Соколов слушает рассказ Василия и мрачнеет:

– Как думаешь, какая б... улику тебе подменила?

Рубахин пожимает плечами:

– Ясно, что сделали это не у Лобановой.

– Это я и сам знаю, – соглашается друг, – а «колёса» там реально были с наркотой? Не витамины?

Василий с обидой отбрасывает окурок в урну:

– Ты-то уж хоть за девочку не держи меня, Финист!

– Тогда, похоже, Васёк, опасно зацепил ты кого-то за пушистое место, – задумчиво произносит Юрий. – И все знают, что с тобой, дураком, «по-нормальному» не договоришься, видишь – давить начали. Превышение полномочий могут пришить запросто, если захотят. В морду-то – зачем ты недоноска этого бил?

– Да не собирался я бить! – с досадой морщится Рубахин. – Вёртким больно оказался – на подсечку меня брал, нахалюга!

– На подсечку? – изумляется Финист, который и сам не рискнул бы схватиться всерьёз со своим жёстким другом. – Тебя?

– Ну да! Вот и ткнул его локтем...

– Всё ясно! – понимающе кивает Юрий. – А Старовский твой, он – что?

– Что-то записывал подполковник, с чего – не соображу пока. Мутный он, сам знаешь. И козе понятно – этой командировкой не меня он выгораживает, а даёт кому-то время концы зачистить, – рассуждает Рубахин. – Только я ведь всё равно – рано или поздно – найду эту крысу, что таблетки подменила.

– Ох, не нравится мне твоя история! – хмурится Финист. – Неизвестно ещё, что за щенка ты за шкирку схватил, а главное – в чьей своре этот щенок бегал!

– В том-то и хрень! – Рубахин достаёт ещё одну сигарету. – Кто-то решил со мной в дурачка подкидного сыграть – но кто?

– Боюсь, друг Василий, вариантов у тебя немного – либо молча утереться и забыть, либо лезть глубже, – мрачно заключает Финист. – Стоит ли? Сам знаешь, наркотой рулят люди серьёзные – могут и ...

– Это мы ещё посмотрим! – лицо Василия каменеет. – Жаль, в руках ничего не осталось, зацепить-то мне их реально нечем! И три дня до отъезда!

– А может, я тут пошарю вокруг по-тихому, пока ты вернёшься? – Соколов кладет ладонь Василию на плечо. – Доверишь?

– А пошли сейчас вместе пошарим, – неожиданно предлагает Рубахин, которому, видно, пришла в голову какая-то идея. – Время есть у тебя?

Двадцать минут спустя друзья сантиметр за сантиметром просматривают место, где Рубахин задерживал своего пушера.

Просторный школьный двор пуст: идут уроки. Здесь ещё не подметали, и весь асфальт с ночи засыпан жёлтыми кленовыми листьями. Приходится их разгребать.

– Целую горсть он сюда отшвырнул, – бормочет Василий, присаживаясь на корточки у стены, – штук десять, не меньше!.. Твою мать! – возмущается он, – неужели всё подобрали!

– Не матерись, – лукавый Финист кивает на школьные окна, – там сеют разумное, доброе и вечное!

– Ага, – соглашается Рубахин, – там сеют, а мы с тобой жнём! За такую же зарплату, но – уже тупое, злое и временное...

Ничего не обнаружив, они начинают осмотр снова, двигаясь навстречу друг другу, и здесь Соколову везёт.

– Опа, б...! Есть одна! – удовлетворённо восклицает он, выковыривает из трещины в старом асфальте желтоватую таблетку и насмешливо щурится. – А ты говорил – голуби расклевали! Что дальше делаем?

Рубахин пожимает плечами. Опытным ментам понятно, что пилюльку эту к делу уже не пришьёшь, но не хочется им выглядеть придурками, хотя бы перед самими собой! А дальше – видно будет.

– К Надежде зайдём? – спрашивает Василий.

– Зайдём, – соглашается Соколов, – но только тихо, и лично к ней...

***

Со второго этажа школы их провожали настороженные глаза. Выпущенный утром из камеры ОБНОНа, Анатолий Горшенин первым делом направился к школе, где наспех собрал всё, что осталось от выброшенных таблеток.

Накануне его закрыли и надолго оставили одного. Лёжа на воняющих хлоркой деревянных нарах, ничего хорошего он для себя не ждал: всякого раньше наслушался о ментовских приёмах.

Когда, уже после полуночи, железная дверь со скрипом отворилась, и вошёл всё тот же закрывший его лейтенант, Горшенин сильно напрягся и посмотрел на вошедшего с вызовом. Он решил, что ничего не станет рассказывать, даже если его начнут убивать.

Но лейтенант, похоже, был настроен иначе.

– Это тебя капитан так разукрасил? – сочувственно спросил он, указывая на заплывший лиловой шишкой глаз Толика.

Тот молчал.

– Выйти отсюда хочешь?

«Дурачка разыгрывает!» – отметил про себя Горшенин. – «А потом раскрутит на срок!»

– Не хочешь сам говорить, – серьёзно продолжил лейтенант, – тогда слушай, что я тебе предлагаю...

И лейтенант рассказал Толику, что схвативший его капитан с некоторых пор стал предателем и преступником: избивает задержанных, подбрасывает им улики и, вообще – делает любые подлости, чтобы потом вымогать деньги. Он уже давно под подозрением у начальства, только вот обиженные капитаном граждане не хотят свидетельствовать против него – все боятся мести.

– Ты помогаешь нам – пишешь заявление на капитана, а мы помогаем тебе – отпускаем и забываем про твои «колёса»! – закончил свою речь лейтенант. – Мы даже защищать тебя будем, как ценного свидетеля! Тем более, что попал ты к нам впервые. Согласен?

Внутренним чутьём Анатолий понимал, что разговор идёт всерьёз, и его вправду могут выпустить, но вот глаза у лейтенанта были какие-то поганенькие, и это Горшенина очень напрягало.

«Хотя – почему бы и нет? – прикинул про себя Толик. – Нормально! Менты грызутся меж собой, устраивают друг другу пакости, – почему бы этим и не воспользоваться!»

– Матери можно позвонить? – попросил Горшенин, проверяя заодно искренность обещаний лейтенанта.

Тот молча вытащил из кармана мобильник.

Дальше Горшенин сделал всё, что ему приказали, а затем, как и было обещано, вышел на волю...

***

Направляясь в школу, Толик решил заодно потрясти там и своего должника. Один из мажоров-выпускников уже неделю задерживал деньги за товар. А деньги Горшенину сейчас были ох как нужны: он пока не представлял себе, когда у него снова появится возможность заработать.

До начала перемены ещё оставалось время, и Горшенин стоял в коридоре у окна.

Хотя Рубахин на этот раз был в штатском, Анатолий его сразу узнал, и понял, что двое ментов на школьном дворе всё же нашли то, что сам он в спешке пропустил.

Анатолий счёл нужным сообщить об увиденном лейтенанту...

4. Наташа Зименкова и Гавриил Петрович Вознесенский

Она выросла в благополучной семье. В старом государстве её отец, Николай Иванович Зименков, был ответственным работником во внешней торговле, мать служила в известном филармоническом оркестре, играла на виолончели. Семья жила в просторной квартире на престижном проспекте.

При новых порядках, жизнь Зименковых, в отличие от большинства сограждан, изменилась только в лучшую сторону. Отец, с его опытом и зарубежными торговыми связями, очень скоро встал во главе очень крупного частного коммерческого предприятия и стал весьма богатым человеком.

Конечно, Наташа Зименкова не могла не видеть, что происходит вокруг – многое её возмущало и даже удручало, но всё-таки между ней и остальным миром пролегла незримая зона безопасности, охраняемая положением отца.

Окончив университет, она сразу получила место искусствоведа в международном культурном центре, где постоянно толклись на выставках, семинарах и конференциях свои и иностранные знаменитости – художники, писатели, режиссёры и кинозвёзды всех калибров.

Её работа, как и жизнь, тоже была островком респектабельности и не предполагала прямых контактов с суровым окружающим.

В Опорск Наталья приехала, чтобы поработать неделю в местном музее, располагавшем солидной коллекцией старинных икон. В её культурном центре готовилась большая выставка ранней русской живописи, и Наталье было поручено отобрать для экспозиции наиболее интересное из хранящегося в Опорске собрания.

Музей размещался в старинном купеческом особняке, сооружённом добротнo, строго и не без вкуса. Здание вполне заслуженно считалось памятником архитектуры девятнадцатого века: оно прекрасно сохранилось как снаружи, так и изнутри, где посетителей восхищала роспись потолков и богатые изразцы печей, по редкому стечению обстоятельств помилованные временем и людьми.

Как потом Наталья узнала, зданию несказанно повезло: в послереволюционные годы в нём разместили архивы и библиотеку горкома партии, и денег на его содержание всегда выделяли сколько нужно. Когда в начале шестидесятых годов партийным документам и книгам в старинных залах стало тесно, особняку ещё раз выпала удача – директором исторического музея в тот момент служила жена первого секретаря горкома партии. Архив с библиотекой переехали в новое современное строение, а музей, ютившийся ранее в условиях не самых лучших, обрёл своё достойное место.

На участке улицы перед музеем намеренно не асфальтировали старую булыжную мостовую, оставили чугунные фонарные столбы, а дополняли историческую картину – вековые липы, посаженные ещё до революции и, к чести городского начальства, тщательно оберегаемые.

Самые ценные и древние иконные доски, собранные в Опорском музее, были доступны общему обозрению лишь изредка – в тематических выставках. Всё остальное время хранились иконы в специальном помещении за железными дверями.

Перед Зименковой, вооружённой солидным письмом заместителя министра культуры, заветные двери были открыты. Работать в этой сокровищнице ей пришлось под руководством главного хранителя – Гавриила Петровича Вознесенского.

Собственно, сама коллекция была собрана и сохранена благодаря личным стараниям Вознесенского за тридцать с лишним лет, в течение которых он был сотрудником опорского музея. Коллеги в шутку говорили, что он уже не только работник, но и экспонат.

Седобородый и длинноволосый Вознесенский на фоне своих икон выглядел священнослужителем. Уже с первого дня общения Наталья поняла, как ей повезло: Гавриил Петрович

обладал бескрайними познаниями во всём, что было связано и с опорской коллекцией, и с русской иконописью вообще – и в ликах, и в лицах, и во временах с безвременьями. О судьбе особо ценных своих находок старый хранитель знал столько, что рассказа о любой из них хватило бы, пожалуй, на добротный исторический роман.

Интересно, что при всём этом Вознесенский, хоть и имел в родословной несколько поколений священников, вовсе не был человеком набожным – в привычном смысле этого слова. Он был специалистом по славянской культуре, и всю жизнь изучал её в широких временных рамках, с незапамятных дохристианских времён и до начала эпохи Петра.

Гавриил Петрович считал, что с преобразованиями онемеченного императора исконная славянская культура окончательно утратила свою первоизданную самобытность, и без того уже задавленную беспощадным катком христианизации.

По молодости, будучи наивным аспирантом, он заложил эти выводы в кандидатскую диссертацию, усугубив, к тому же, свою научную крамолу ещё и намёками на некую роковую роль советского культпросвета.

Диссертация, естественно, провалилась ещё до защиты, а её автора серьёзно заподозрили в шовинизме и чуть ли не антисоветизме. Посадить не посадили, но дорогу в официальную науку Вознесенский закрыл себе навсегда: статьи свои он публиковать не мог – ему, где официальной бумагой, где вежливым словом, но всюду – отказывали. И преподавать, даже в школе, – не пускали.

Так и оказался он в музее.

А совсем недавно, вдохновлённый объявленной свободой и демократией, Вознесенский снова вытащил свою диссертацию на свет божий, подработал её и повёз в аттестационную комиссию. Но там выяснилось, что защита его скорбного труда теперь выливается в такую сумму, что ему, работнику провинциального музея, никогда не собрать этих денег. Даже и за такой исторически ничтожный период, как сто лет.

Жалованье хранителей культурного наследия никогда не соотносилось с истинной ценностью оберегаемых ими сокровищ. Среди окружающего большинства люди подобного рода всегда слыли слегка помешанными, и лишь потому, что служили своему делу верно и бескорыстно, хотя, наверное, без таких людей цивилизация давно бы закончилась, а может быть – никогда бы и не началась ...

***

По-настоящему Вознесенский раскрылся для своей гостьи только через пару дней, когда убедился, что перед ним не просто любопытная столичная девица, а действительно специалист. Пусть пока и юный, но искренне относящийся к своему делу. Не без радости понял Гавриил Петрович, что нашёл благодарную ученицу.

А Наталья, заслушиваясь его импровизированными лекциями, невольно любовалась стариком и склонялась к мысли, что облик хранителя всё больше ассоциируется у неё даже не со священником, а с таинственным волхвом, заброшенным в наше время.

Должно быть, эти мысли и чувства отражались и в её лице, потому что растроганный вниманием Вознесенский оказал ей особое доверие – представил главную гордость своей коллекции – изумительный по лаконизму письма и колориту образ Ильи-Пророка, датируемый пятнадцатым веком. Наталья не сомневалась, что зарубежные собиратели древнерусской живописи могли бы дать за такую икону просто сумасшедшие деньги.

– Смотрите, Наташенька! – говорил хранитель, поворачивая образ к окну. – Это же, на самом деле, не Илья, это – Перун, наш исконный славянский бог, могучий Громовержец!

Видите, здесь у святого отсутствует канонический нимб, зато в деснице у него – пучок молний!

Вознесенский умолк, любуясь своим сокровищем, а Наталья ещё раз подумала, что хранитель и вправду чем-то похож на волхва и даже на этого грозного бога с древней доски, но явному сходству мешали глаза старика – они были слишком добрыми.

Гавриил Петрович, довольный впечатлением, который произвёл образ на девушку, продолжил:

– Илью на Руси всегда особо любили и почитали именно потому, милостивая моя барышня, что в его образе люди продолжали поклоняться своему родному богу, а не чужим навязанным святым...

Скоро стало понятно, что хранитель сел на любимого конька.

– Вы только представьте, Наташенька, всю глубину, все масштабы культурной экспансии: исконными русскими именами стали почитаться отнюдь не Доброслав и Любава! – глаза Вознесенского трагически мерцали. – Иван-Иоанн и Мария! – воскликнул он. – Не было у славян таких имён!

Может быть, и не всё, но уже многое в словах Вознесенского казалось Наташе справедливым.

Старый хранитель это чувствовал и очень хотел успеть пересказать ей хотя бы частицу того, что так долго носил в себе.

– Меня никто не переубедит, – вдохновенно провозглашал он, – это было ползучей идеологической экспансией. Люди, запустившие этот процесс, не имели ни малейшего шанса проваться к богатствам обширных евразийских земель через поле брани...

Наталин самозванный профессор выдержал короткую паузу и сообщил, видимо, один из главных выводов своей исторической концепции:

– Но они были очень хитроумны и стали велики именно тем, что придумали и начали самую первую и самую масштабную в истории цивилизации идеологическую войну! С их подачи христианская идеология распространилась на романо-германские и славянские народы, а затем в головах миссионеров и переселенцев проникла практически повсеместно.

Собственно, на евразийских пространствах устояли под её натиском лишь Индия и Китай. А ещё, на Ближнем и Среднем Востоке, воистину мудрый пророк Мохаммед сумел распространить – в виде ислама – свою форму сопротивления этой духовной агрессии, и его Коран стал оружием, против которого лукавые до сих пор бессильны...

– Явление колоссальное и беспримерное! – восклицал Гавриил Петрович. – Такого в истории этой планеты не удастся больше ни одному народу! Никогда, Наташенька, и никому!

Наташа видела, что старик очень взволнован своей лекцией.

– Вы только представьте: они заставили полмира с благоговением читать свою собственную, весьма и весьма путаную, историю, как единственную историю божественного промысла! И зачем? – продолжал Гавриил Петрович. – Ведь всё это так и не принесло им желаемого уважения и не избавило от несчастий. Их версию Бога, в основном, приняли, но это вовсе не означало, что приняли их самих.

Они, как известно, постоянно вызывали на свои головы ужасные трагедии. Их постоянно и отовсюду изгоняли и преследовали, не смотря на то, что многие из них были феноменально умны и гениально талантливы.

Вот, и в ближайшей мировой истории, христиане в чёрных мундирах возглашали: «Gott ist mit uns!» и под эти возгласы маниакально истребляли евреев, оказавшихся на оккупированных территориях.

И было этим христианам наплевать, откуда пришло в их соборы и кирхи имя Бога, которому молились десятки поколений их предков...

Наталья никогда вживую не сталкивалась с подобными воззрениями, и они стали для неё почти потрясением. Старик опровергал в её сознании многие исторические постулаты, кото-

рые казались фундаментальными. Она даже попыталась робко подискутировать с Гавриилом Петровичем.

– В целом, ваше отношение к христианству мне уже немного понятно, но вы же не станете отрицать, например, объединяющей роли христианской веры в условиях феодальной междоусобицы? – спросила она.

Гавриил Петрович даже обиделся:

– Барышня! – воскликнул он. – Это же и есть самый лживый из всех известных лжеисторических тезисов! Принять его – значит утверждать, что, окрестившись, русские князья и европейские государи сразу стали дружными братьями во Христе и кроткими голубями!

Что тогда прикажете делать с историей бесконечных войн, дворцовых заговоров и переворотов?

Старик снял свои круглые очки, шурясь, тщательно протёр стёкла клетчатым носовым платком и, водрузив их на место, продолжил:

– Что касается Руси – со времён князя Владимира для верхнего сословия, а вкупе с ним – для служилых и торговых людей – принять христианство стало так же важно, как в недавней нашей истории – вступить в коммунистическую партию. Многие крестились из сугубо практических соображений. А простой люд – крестили насильно и очень жестоко.

Христианство, Наташенька, а особенно – с возвышением Ватикана, стало не только сакральным центром власти, но и самым тонким и изощрённым инструментом политики, превзойдя все остальные политические инструменты в их вечном диапазоне: от лести – до предательства, и от золота – до плахи с топором!

Надо ли мне напоминать вам, сколько крови человеческой на всех континентах пролилось по воле или с благословения Святого Престола за последнюю тысячу лет!

Слушая страстные сентенции Гавриила Петровича, Наталья уже боялась каким-нибудь неосторожным замечанием спугнуть его доверие, и она чувствовала, как искренне старику хотелось, чтобы слушательница поняла в его откровениях самое важное...

***

Потом случилась беда.

Вознесенский, оставив Наталью в хранилище, ненадолго вышел по своим делам. А ей в этот момент позвонили на мобильный телефон из столицы. Связь внутри могучих стен хранилища была неуверенной, и девушка вышла в соседний зал. Увлечённая разговором, она, не больше, чем на десять минут, оставила без внимания открытые железные двери.

Этого времени кому-то оказалось достаточно: исчезли бесследно, словно растворились, две небольшие, но ценные иконы, которые стояли на ближних к выходу стеллажах.

Когда всё обнаружилось, Наталья готова была сквозь землю провалиться от горя и стыда. Она с ужасом и отчаянием думала, что её теперь могут заподозрить в соучастии – и это было страшнее всего.

О чрезвычайном происшествии немедленно сообщили в милицию.

Так появился в Наташиной судьбе задумчивый и немногословный сыщик – капитан Рубахин.

Сероглазый, рослый и мускулистый, коротко стриженный, он выглядел бы суровым супергероем, если бы не застенчивая улыбка, которая время от времени проскальзывала в его глазах и уголках губ.

Оценив внимательным взглядом перепуганного и зарёванного столичного искусствоведа, капитан задал ей несколько вопросов и ушёл к другим сотрудникам музея.

Все были очень огорчены и обескуражены пропажей, никто не видел и не мог толком вспомнить ничего подозрительного, но капитан спокойно и методично опросил всех до последнего человека.

Уходя, он не сказал ни слова о своих выводах, просто коротко попрощался.

Уже поздним вечером в гостиничный номер Наталье позвонил взволнованный Вознесенский и, задыхаясь от радости, сообщил:

– Иконы наши найдены, девочка! Целыми и невредимыми! Завтра утром их нам вернут!

От бурных впечатлений минувшего дня Наталья не спала до самого рассвета. Вольно или невольно, но её мысли всю ночь возвращались к задумчивому милицейскому капитану...

Утром иконы не вернули: им предстояло ещё быть вещественными доказательствами до окончания следствия и суда, но Вознесенского вызвали на опознание украденных раритетов, а он, в свою очередь, взял с собой Наталью.

Теперь, пока оформлялся длинный протокол, она смотрела на Рубахина с восхищением и благодарностью. А он этого словно и не замечал.

Витиевато расписавшись, где положено, Вознесенский сразу направился к милицейскому начальству. Он намеревался добиться особого режима хранения для исторических ценностей, либо их замены фотографиями – опасался, что иконы могут быть повреждены по небрежности или по неосторожности.

Девушка и капитан остались в кабинете угрозыска одни.

– Если бы вы знали, как я вам благодарна! – сказала она. – Вместе с этими иконами вы спасли и меня!

Суровый сыщик неожиданно смутился, но очень быстро взял себя в руки:

– Давайте это сформулируем иначе... – улыбаясь, произнес он.

– Как?

– Я отправился искать иконы, а по пути нашёл очень хорошую милую девушку, и эта вторая находка, – Василий слегка запнулся, – мне уже кажется даже важнее ...

5. Наталья и Рубахин

Вечером того же дня они встретились в городском парке, неподалёку от музея.

Стоял конец мая, буйно цвела черёмуха. Прохладный вечерний воздух переполнялся горьким и пьянящим ароматом. В парке было так много черёмух, что в эту пору густое черёмуховое зелье незримо растекалось по окрестным улицам и колдовским образом волновало всех здешних обитателей.

К радостному удивлению Натальи, её милицейский знакомый был весьма и весьма начитан. Он вовсе не чурался разговоров о предметах, которые, как ей казалось, были далеки от его профессиональных интересов – о картинах, например, о книгах, о фильмах. Она перескакивала с темы на тему, и каждый раз отмечала для себя, что этот странный милиционер имеет довольно полное представление, о чём идёт речь.

А вот попыток перевести разговор на свою профессию Василий не поддерживал. Даже о розыске икон рассказал одной фразой: «Просто я знал, кто их мог у вора купить!» Наташе, конечно, любопытно было послушать что-нибудь ещё про героические будни сыщика Рубахина, но настаивать она не стала.

В тот вечер сердце её дрогнуло и окончательно сдалось суровому капитану...

Наталье под выдуманном предлогом удалось продлить свою командировку сверх срока ещё на неделю.

Далее события развивались так стремительно, что к осени она уже была женой капитана Рубахина и научным сотрудником Опорского краеведческого музея...

***

Надо сказать, что родители Наташи были крайне огорчены и разочарованы выбором своей единственной и любимой дочери. Они никак не могли предположить, что их зятем может стать какой-то милиционер из какого-то там Опорска.

Это было тем более досадно, если учесть, что на их девочку уже имели виды и сыновья высокопоставленных чиновников, и очень состоятельных людей, которые со своей стороны тоже считали выгодным породниться с влиятельным бизнесменом Зименковым.

При этом никто бы не рискнул утверждать, что внимание кандидатов в женихи привлекало именно положение отца невесты, и даже наоборот – природа была с Натальей не менее щедра, чем судьба: из поговорки «не родись красивой, а родись счастливой» ей достались обе части. Во всяком случае, так было до её отъезда в Опорск.

Отец-дипломат весьма искусно устраивал знакомства дочери с перспективными женихами, оставаясь при этом вроде бы как в стороне.

В силу своей профессии Николай Иванович Зименков был человеком предельно трезвым и прагматичным. Этот отточенный с молодости прагматизм обеспечивал ему неизменный успех в карьере и в жизни.

Раньше Николаю Ивановичу казалось, что своим собственным примером он воспитывал практичность и в дочери.

Однако, обнаружив, что его дочь влюблена без памяти и, к тому же, успела забеременеть, раздосадованный отец понял: чего-то он в её воспитании явно не учёл.

Уговоры были бесполезны, и отец вынужден был пойти на крайние, как он считал, меры.

– Я не исключаю, что твой милиционер – хороший парень и добрый человек! – заявил он Наталье за семейным столом. – Но это совсем не одно и то же, что и хороший муж, а тем более – отец. Буду рад, конечно, если он обеспечит тебе и ребёнку счастливую жизнь. Но сам я пока

не намерен в этом участвовать ни словом, ни делом, ни копеечкой! Пусть твой милиционер докажет свою ответственность. Только тогда я его приму.

Отец встал из-за стола, обнял за плечи плачущую мать и добавил:

– А тебя мы с мамой всегда любим и ждём. Как и нашего внука или внучку – кого Бог даст!

Единственным отступлением от сказанного стал звонок в Опорск из министерства культуры. Наташу порекомендовали местному музею в качестве научного сотрудника.

Лучшая столичная подруга Вероника, с которой они дружили ещё с пятого класса, насмерть сражённая новостью о скоропостижном замужестве Натальи, естественно, заинтересовалась – что это за провинциал такой, победивший в конкурсе за её сердце всю толпу столичных поклонников?

Наталья задумалась, подбирая объяснение попроще.

– Помнишь, как года три назад зимой мой папа возил нас на какую-то лесную базу, на охоту, и там, у хозяина, жил настоящий волк? – спросила она.

– Конечно! – Вероника округлила глаза. – Ух, красавец! Я когда на него смотрела, у меня мурашки по спине бежали!

– Ну, и сравни его с начёсанными пуделями и прочими кокерами в бантиках на собачьей выставке...

– О-у-у! – глазки у подруги игриво заблестели. – Дикий зверь в постели?

– Да не в этом дело! – засмеялась Наталья. – Он настоящий мужик, понимаешь? В нём нет лоска, но зато нет фальши!

Подруга её так и не поняла...

***

Любовь – очень действенный анестетик, который позволяет людям не ощущать даже самых острых житейских невзгод. Наташа готовила еду на общей кухне, мылась в тесном душе, который был главной роскошью в их с Рубахиным семейном гнезде, и ездила на работу в переполненном трамвае.

Если бы кто ей заранее сказал, что на всё это она поменяет свою удобную и размеренную столичную жизнь, она бы никогда не поверила.

В милицейском общежитии, где Василий раньше не столько жил, сколько ночевал или отсыпался днём после ночных операций, произошли разительные перемены. Старую железную кровать в комнате сменил мягкий угловой диван, стены украсила пара симпатичных картин, написанных опорскими художниками, появились шторы на окне и некоторые другие мелочи, которые сразу превратили рубахинскую ночлежку в довольно уютное гнёздышко.

Теперь уже, как ни отмахивался Василий, Наталья всё больше узнавала про его работу. И чем больше узнавала, тем больше убеждалась, что ему всё это нужно бросать. Скупые рассказы мужа резко переворачивали её представления не только о милицейской работе, но и о реальной жизни в целом.

Зарплата у них была просто издевательской. Практически все сослуживцы Рубахина постоянно искали, где подработать. Но делились они в этом на несколько категорий: первые – «выкручивались», то есть, нанимались менты сопровождать грузы, красили машины в авто-сервисах – соглашались на любую работу вне службы, и дома их почти не видели, а если видели, то смертельно усталыми или спящими.

Оставаясь честными, они, естественно, оставались и бедными. «Зарабатывали» себе честные менты ещё и грыжи, и язвы, и тяжёлые невроты из-за хронического переутомления, повседневной сухомятки и нескончаемых стрессов, лечимых алкоголем.

Эта первая категория была первой и в очереди на отправку в горячие точки, где им платили какие-то «боевые» деньги – тоже смешные, поскольку Наталье было известно, сколько получали тупые клерки в некоторых столичных госкомпаниях лишь за то, что просто сидели в своих уютных офисах с девяти до восемнадцати часов.

Другие менты – «крутились». Денежные знаки ими добывались совсем другими путями и в других количествах. Представители этой категории уже не ездили на трамваях или даже на «Жигулях» – они катались на иномарках – кто на подержанных, а кто и на новых моделях. «Крученные» менты по заказам крупных торгашей выжимали с рынка их конкурентов, добывали коммерсантам нужную информацию, нередко обеспечивали «крышу» и откровенно преступным группировкам.

Деловые давили честных морально и вытесняли их физически с перспективных должностей или вовсе за пределы службы.

Некоторые умудрялись балансировать между первыми и вторыми, но таких было мало, и однажды они неизбежно занимали место по ту или иную сторону черты.

Ну, и последняя группа – это менты, которые по-мелкому шакалили и крысятничали в ларьках, на рынках, на улицах – пытались, короче, урвать лишнюю копейку, где придётся. По блатной иерархии их следовало бы отнести к разряду «опущенных».

Нет, Наташа не была слепой избалованной дурочкой, она и раньше знала, что вокруг творится немало мерзостей, но это были представления со стороны, и её лично очень многое до сих пор не касалось.

А Василий уже давно был ввергнут в самую гущу свирепо грызущихся за денежные знаки и прочие материальные блага сограждан, где ему по службе полагалось отлавливать особо наглых и озверевших.

При этом её сыщик Рубахин с упорством, выходящим за грань здравого смысла, пытался делать своё дело по совести. Наташа видела, как тяжело это ему даётся среди людей, делить которых на правых и виноватых не возьмётся уже, наверно, и самый высший небесный судья.

Да и его суд, похоже, нынче мало кого страшит: грешники щедро «отстёгивают бабло» на храмы, искренне полагая, что у них теперь и на небесах всё схвачено, к тому же – как не заметить Господу увесистых крестов из червонного золота на упитанных шеях новообращенных рабов его!

А Василия ещё с детства родители безнадежно «испортили» – накрепко вложили в голову, что в жизни нужно быть честным и справедливым, и теперь он всё чаще ощущал себя на службе фигурой несуразной и нежелательной...

***

Как-то, когда Наталья уже ходила с большим животом, холодным зимним вечером явились к Рубахиным в гости Финист с подружкой. Пили чай, обсуждали городские новости, в том числе и предстоящий концерт известного столичного барда, на который они решили вместе сходить, если позволит мужчинам служба.

– Вот так! – дурачась, проворчал Соколов. – Будем тратить деньги на всяких заезжих, а дома свой бард пропадает в неизвестности.

Его подружка с любопытством на него посмотрела.

– Не на того смотришь! – продолжал Финист, – это вот Васька у нас – настоящий соловей! Рубахин, улыбаясь, отмахнулся.

Но Наташа, которая и сама давно не слышала песен мужа, поддержала Юрия:

– Может, достанешь гитару?

Василий не стал дальше отнекиваться. Гитара была извлечена из-за дивана под шуточные аплодисменты присутствующих.

Подстраивая струны, Рубахин вдруг посерьёзnel. Наташе было уже знакомо это выражение его лица. Когда он брал гитару, он становился каким-то иным и непривычным.

«Что-то больно мне: видел сон на днях,
будто еду я – не в своих санях,
не в своих санях, на чужих конях...
От крутой тоски замерла душа,
а они несут, рыхлый наст круша,
рыхлый наст круша, да навсхрип дыша!

С первых же слов Наталья была удивлена: это была новая песня – неожиданная и тревожная.

«Когда успел?» – подумала она.

Весёлая подружка Финиста погасила свою неснимаемую улыбку и выглядела теперь чуть старше и намного интереснее.

В никуда лечу посреди снегов,
растерял друзей, не простил врагов,
е простил врагов, не раздал долгов!
Подниму, рвану на дыбы коней!
Упаду на лёд из чужих саней –
из чужих саней, где ещё больней...

Рубахин положил гитару струнами вниз.

Он молчал, и все молчали. Больше всех была поражена подружка Финиста. Её представления о милиции и сыщиках были смесью впечатлений от милицейских сериалов и полицейских триллеров. Она вполне допускала скрипку в руках Шерлока Холмса, но современных ментов могла представить разве что со свистками или барабанами.

Наталья, наблюдая, какими глазами смотрит девушка на Рубахина, подумала, что за такие взгляды и приревновать можно. Но в этот момент она очень гордилась своим мужем.

Откликнулся Финист:

– Да, Васёк, – тихо произнёс он, – я понял, о чём ты!

Гости допили чай, попрощались и ушли. Наталья обняла Василия...

6. Надежда Лобанова

Надежда Васильевна всё сделала, как обещала накануне.

На немой вопрос Финиста, забежавшего к ней с раннего утра, она коротко отвечает:

– Один из амфетаминов, Юра! Проще – «экстази», как ты знаешь.

Соколов щурится и так же молча кивает головой.

Лобанова смотрит на Юрия усталыми, тревожными глазами:

– Наплевали бы вы на это дело, мальчики, а? Плохо оно кончится...

– Мы-то ещё наплюём, Надежда Васильевна, или нет, – горько усмехается Финист, – а вот на нас уже точно наплевали...

Лобанова сокрушённо разводит руками. Ночью она плохо спала. Она знала, что капитан Рубахин не мог ошибиться. Начиналась для Василия какая-то скверная и опасная история с непредсказуемым концом. А он привязал к ней ещё и Финиста.

Жалко этих ребят. Честные, прямые – как долго они удержатся? Таких парней в милиции в последнее время становится всё меньше, а из новых – больше скользкие какие-то, вертлявые. «Деловые», короче.

Ей уже давно не по душе всё, что происходит вокруг. И не только по работе. Единственное, что утешает – скорая пенсия. Осталось двадцать три дня...

– Последний вопрос, – уже поворачиваясь к выходу, останавливается Юрий, – кто принёс к вам те таблетки и когда?

Лобановой не хочется отвечать, она знает, что парней эта информация ещё больше подстегнёт.

– Оксана из приёмной Старовского принесла. Вчера утром.

– Вот суки! – вырывается у Соколова. – Извините, Надежда Васильевна! Похоже, кто-то уже вконец обнаглел!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.